

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ**КУЛЕШОВКА 1941- 42 гг.**

Помню плакат, на нём изображена ощеренная штыками дата «1941-й». Для тех, кто пережил события 1941-1945 годов, война так и останется единственной в своем роде – Великой Отечественной войной. Останется не «понятием», а «концептом». Концепт же – это не плод рассуждений из прочитанного и услышанного, но нечто пережитое по логике самой жизни.

Война началась 22 июня 1941, и это семьдесят лет назад. Семьдесят лет. Много это или мало? Как сказать, моему отцу в 2011 году исполнилось бы 100 лет, маме – 98. Впрочем, даже и

мне – 74. По большому счёту военное лихолетье было, конечно, одно на всех. Но, как сказано поэтом: «в том не было моей вины...».

В том, что горе каждому отпускало его долю. «И всё же», - вслед за А.Т. Твардовским глубоко вздохнем и мы, дорогой читатель.

Много позже А.Т. Твардовского поэт, почти мой ровесник, напишет: «Если будет Россия – значит, буду и я». Он подвёл итог, означил смысл вели-

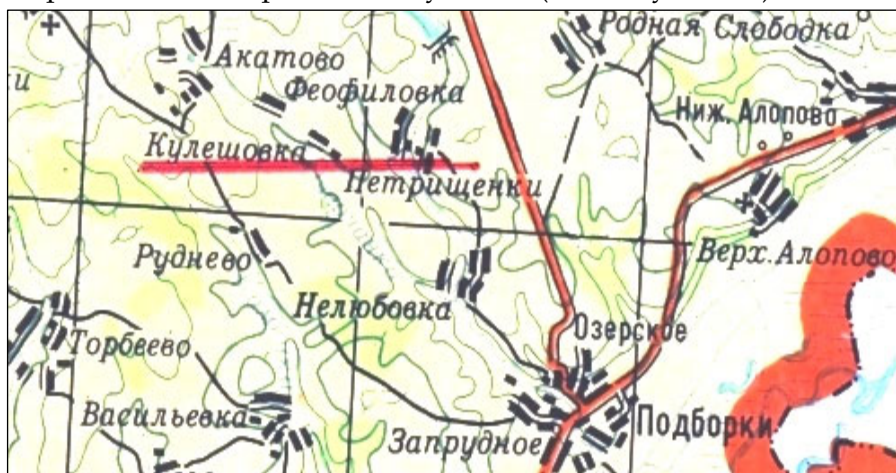

кого подвига наших отцов и старших братьев, наших матерей и старших сестёр, бабушек и дедушек – славного нашего тыла, на плечах которого держалась мощь нашей армии.

И мне кажется, что простецкий смысл этого подвига зримее отражён в приведённом военном плакате. Вглядитесь в него – на нем запечатлена великая и святая правда: как молоды были наши отцы и старшие братья. Как они красивы, с какой трепет-

ной любовью и лаской к нам они шли в суровый, а для многих и последний бой с лютыми врагом, защищая нас, защищая Россию. И как же тут ни вспомнить великие слова классика: «Лихая им досталась доля, немногие вернулись с поля». И уж точно – ни будь на то Господня воля, не отстоять Москвы.

В те годы я жил по месту рождения, в деревне Кулешовка, Перемышльского района Калужской (тогда Тульской) области.

Наша деревня, как сегодня мы сказали бы, оставалась вне информационного поля. Не было у нас ни электричества, ни радио, ни телефона. Из газет был, разве что, районный Перемышльский «Колхозный Труд» четырехполосная формата А4 газета. Дедушка использовал её на самокрутки. Боюсь быть циничным, но мне почему-то кажется, что для этого её и выписывали. Впрочем, нельзя прослыть провидцем постфактум.

На приведенном фрагменте карты Калужской области, если присмотреться, видна и наша деревня.

Если говорить точно, то 1941 для меня не так уж памятен подробностями, хотя с ним и связаны знаменательные перемены в моей в ту пору уж очень молодой жизни.

Начались они на Благовещение Пресвятой Богородицы, 7 апреля. По воспоминаниям моей мамы, тогда стояла слякотная

погода, и как бы растворившись в этой непомерной слякоти, ушёл мобилизованный в Красную Армию отец, пропавший без вести надолго.

С той поры я не видел его до самого 31 августа 1947 года. Тогда в *чурочном* бараке на Вой-Воже (в республике Коми) я, конечно, при встрече не узнал его. Боле того, на преисполненный горькой шуткой вопрос мамы при встрече: «Коля, кто твой отец?», я с достоинством почти десятилетнего мальчишки ответил: «на кого ты укажешь, тот и отец».

Ответ вызвал скорее слёзы, чем смех у присутствующих мужчин.

Ведь где-то там, на бескрайних просторах России оставались и их сыновья, которые, наверняка тоже, не помнили своих отцов.

Теперь понимаешь, что так прятался конец войны, а не её начало. Фраза убивала неподкупной логикой детей, проводивших годы войны и непростые первые послевоенные годы победителей в безотцовщине. Она стала семейным преданием, но это потом. О том сказ особый, эти же странички посвящены воспоминаниям о 1941 годе.

Только вот, когда в начале октября 1941 года, по первому снегу из непролазной грязи грунтового бездорожья вынырнули, как и полагается «нечистой силе», немецкие оккупанты, они удивились. Удивились тому, что на их военных картах (а своими картами они гордились) не была показана наша деревня. Но вьявь-то она была!

И не просто была: от неё до Города Воинской Славы Козельска было каких-то 18 км к югу. Калуга отстояла всего на 50 км. Совсем недалеко были Сухиничи, Киров, Белёв, Малоярославец и множество других городов и сёл, в которых враг встретил неожиданные изматывающее его вражескую силу сопротивление. Благодаря этому сопротивлению стал возможным легендарный разгром немцев под Москвой

В октябре 1941 враг наступал стремительно. И всё-таки и мы в своих маленьких населённых пунктах (даже в малюсеньких) успели и поголосить, и потревожиться. Одним словом, и у нас, а не только у жителей Москвы, есть полное основание на всю жизнь запомнить эту «суровую осень»

СУРОВАЯ ОСЕНЬ.

Природой, вроде как, установлено, что в наших широтах осени предшествует лето. Утверждают, что летом 1941 года стояла жаркая погода.

Жарко до непереносимости было и на фронтах. Мобилизовав практически весь потенциал порабощённой Европы, армада захватчиков ринулась на нас. Немцы рассчитывали на «блицкриг». Им поначалу немало из задуманного удалось совершить. Но германская военщина просчиталась в главном – «блицкриг» не реализовался. Осознание нереализуемости «блицкрига» встревожила в начале августа даже самого Гитлера.

Маршал Советского Союза А.И. Ерёменко (*фото справа*) в книге «В начале войны» писал: «В стане врага в связи с первыми ощутимыми ударами наших войск шли мучительные поиски новых решений».¹

И далее, ссылаясь на генерал-полковника Вермахта Гудериана, А.И. Ерёменко пишет, что 4 августа в штабе группы германских армий «Центр», в Борисове, Гитлер собрал совещание высшего командного состава Вермахта. На этом совещании вопрос о направлениях дальнейших действий немецких войск не был окончательно решён. Гитлер колебался. Возможно, он задумывался о затяжной войне. Ему

¹ А.И. Ерёменко «В начале войны». Воспоминания маршала Советского Союза. М.: Хранитель. 2006 г., с.323.

очень хотелось заполучить богатства Украины и занять Крым. Ко всему прочему, по его мнению, это бы обезопасило снабжение Рейха румынской нефтью. Верхушка фашистской военщины же настаивала на захвате нашей столицы, полагая, что только это принесёт окончательную победу.

«Своеобразие обстановки,² сложившейся в сентябре 1941 года, заключалась в том, что детали подготовки немецкого командования наступления на Москву были скрыты от советского командования. Его наоборот привлекали захватами Ленинграда и Киева, где немецкие войска вели успешные наступления».

От наступающего противника Московское направление прикрывали войска трех фронтов – Западного, Резервного и Брянского.³

15-28 сентября разразилась катастрофа под Киевом. По первоначальному замыслу противник имел намерение взять и Ленинград штурмом, но отказался от него. Возможно по причине успехов для себя в Киевской операции, возможно по иной причине. Как бы там ни было, но 12 сентября 1941 года Гитлер издал приказ о переброске частей 4-й танковой группы на Московское направление. В результате силы армий противника, наступающего на Московском направлении, существенно возросли.

30 сентября немецкие войска перешли в наступление на Орловском направлении силами 2-й танковой группы (6 октября её преобразовали в танковую армию генерал-полковника Гудериана); 2 октября – основными силами в направлении Вязьмы. На всех участках, где немецкие войска наносили главные удары, они превосходили советские войска: по людям в 3 - 4

² Здесь и далее материал излагается в соответствии с книгой «Краткая история Москвы. Историческое описание города Москва. По фактам, изложенным в статье В.В. Юрченко «Московская битва. Битва за Москву. Битва под Москвой».

³ По данным А.И. Ерёмченко первый приказ о создании Брянского фронта был подписан 16 августа. В соответствии с приказом в Брянский фронт включались всего две армии -50-я и 13-я. (А.И. Ерёмченко «В начале войны». Воспоминания маршала Советского Союза. М.: Хранитель. 2006 г.,с.329).

раза, по танкам в 2 – 8 раз, орудиям и миномётам в 4 – 7 раз. Вот им и удалось 1 октября занять Севск, 3 октября – Орёл, 4 октября – Спас-Деменск и Киров, 5 октября – Юхнов и Мосальск, 6 октября – Брянск, 7 октября – Вязьму.

У нас же от Московского моря до Калуги в составе четырёх армий Западного фронта насчитывалось всего лишь 80 тыс. человек. В этих условиях командующий фронтом Г.К. Жуков стремился прикрыть только важнейшие направления, ведущие к Москве, - Волоколамское, Можайское, Малоярославское и Калужское.

О битве в наших краях за Козельск, Перемышль, Сухиничи, об особой важности с позиции немецкого командования взятия этих городов вспоминал генерал-полковник Вермахта Л. Рендулич в своей книге «Управление войсками». В 1941 году он командовал 52-й пехотной дивизией. Материал стал доступен автору, благодаря Интернету.⁴

Гудериан, командующий 2-й танковой группой, прорвавшейся в наши края

Осенью [1940 года](#) Лотар Рендулич был назначен командиром 52-й пехотной дивизии. Осенью 1941 она захватила города [Бобруйск](#), [Рогачёв](#), [Брянск](#) и вышла к городу [Козельску](#). В ноябре дивизия была передана в состав 4-й армии и приняла участие в операции «[Тайфун](#)». Задачей дивизии было прорваться к [Туле](#) и обойти [Москву](#) с юга, но дивизия встретила упорное сопротивление Красной Армии и увязла в боях. [1 декабря](#) 1941 года Рендуличу было присвоено звание [генерал-лейтенанта](#). В ходе наступления Красной Армии под Москвой 52-й дивизии пришлось отступить от Козельска, а затем она была переброшена под [Юхнов](#), где ей удалось остановить наступление советских войск. За эти заслуги Лотар Рендулич был награждён Рыцарским крестом [Железного креста](#). На Нюрбергском процессе объявлен военным преступником.

⁴ Рендулич Л. «Управление войсками». М.: <http://militera.lib.ru/>.

Как утверждает это вражеский генерал: его «передовой (181-й) полк в 3 часа начал движение в направлении Козельска. Местность по эту сторону реки представляла собой открытое поле, во многих местах перерезанное достигающими десятиметровой глубины оврагами.

Эти овраги, протянувшиеся на многие сотни метров, возникли в результате длительной деятельности грунтовых вод. От Сухиничей на Козельск вела широкая грунтовая дорога.

Уже около 7 часов я получил первое донесение разведывательного батальона. В нем сообщалось, что западнее Козельска батальон столкнулся с кавалерийскими разъездами, которые подожгли склад с зерном на железнодорожной станции в 10 км западнее города. Документы, взятые у одного из убитых, свидетельствовали о том, что он служил в кавалерийском полку. В следующем донесении говорилось, что слабые силы противника, оставив Козельск, отошли на восточный берег реки. Перемышль оставался за Красной Армией.

Реку Жиздру — ширина ее в среднем около 40 м — во многих местах можно перейти вброд.

Генерал-полковник
Лотар Рендулич
(1887-1974),
ком. 52-й пех. дивизией

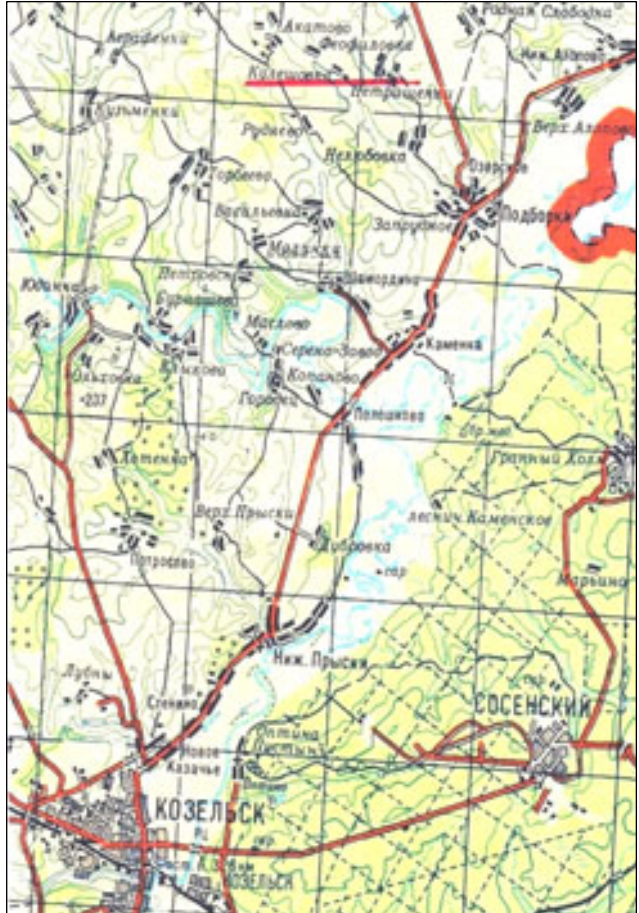

Восточный берег частично заболочен, западный — местами обрывист, с крутыми спусками. Восточный берег сплошь покрыт лесом, который подступает к самой реке, и лишь восточнее города имеется несколько открытых мест. В Перемышле есть один мост, в Козельске — ни одного⁵».

Стремясь до подхода противника подтянуть к Козельску по возможности больше сил, командиры торопили свои войска, которые, будучи хорошо подготовленными к маршам, снова добились исключительного успеха.

Уже в 10 час. разведывательный батальон был сменин в городе 181-м пехотным полком. После этого батальону было приказано двумя ротами самокатчиков войти в Перемышль и захватить там переправу.⁶

Генерал признаёт, что фронтальный ответный удар (удар в лоб) через Перемышль был для них особенно опасен.

⁵ Подробно описывает Рендулич.

⁶ Там же

Утром 11 октября наша кавалерийская дивизия, как выяснилось позже, своими тремя полками совместно со стрелковым полком атаковала позиции 52-й дивизии захватчиков в самом Козельске и по обе стороны города. Фашистскому генералу пришлось подтянуть две роты самокатчиков к Подборкам.

Немцы, судя по признанию этого вражеского генерала, очень боялись, что основные усилия наши направят на освобождение от них Козельска.

Ведь дороги от него шли в очень опасных для них направлениях.

«Бой шел с переменным успехом. Сильно рассредоточенным войскам все время удавалось ликвидировать небольшие вклинения. Но около 8 час. когда 181-й пехотный полк остался без резервов, противник на широком фронте прорвал наши позиции в Козельске и на склоне севернее города». Подробно описывает Рендулич, как «командир 205-го полка доложил, что и на его участке русским удалось в нескольких местах неглубоко вклиниться в оборону и что он уже ввел в бой часть сил резервного батальона. Командир этого полка, кроме того, докладывал, что южнее его правого фланга в пределах видимости кавалерийский полк противника в конном строю продвигается на плато в западном направлении. Стало ясно, что бой вступил в свою критическую стадию»⁷

Немцам, силами дивизионного резерва и двух рот самокатчиков удалось контратаковать во фланг наших, прорвавшихся севернее Козельска.

Но как признаёт генерал: *«Предпосылкой успешного осуществления моего замысла — и это следует подчеркнуть — явилось то, что русские, заняв наши позиции, стали продвигаться дальше. Из опыта же было известно, пока русские находятся на позициях, выбить их оттуда нелегко»⁸*

Немцы выжидали момент, при этом генерал незадолго до начала наступления русских решительно запретил командирам

⁷ Там же

⁸ Там же

батальонов дивизионного резерва вступать в бой до получения его приказа.

*«Этот момент, как мне казалось⁹, наступил в 9.00, когда 181-й пехотный полк был оттеснен на гребень ВЫСОТЫ, а противник выходил из города. В это время дивизионный резерв, которому мой замысел был известен задолго до того, как определился характер действий русских, получил мой приказ перейти в контратаку. Почти одновременно контратаковал и 205-й полк, которому удалось образовать значительное вклинение чуть южнее Козельска».*¹⁰

Бой за Козельск кончился, опасность, угрожавшая главным силам фашистов, устранена. Под Перемышлем по свидетельству генерала, наши войска, остававшиеся во время боя пассивными, отошли за Жиздру. 12 октября немецкая дивизия, пройдя Перемышль, расположенный на западном берегу Оки, соединилась с главными силами корпуса».

Все эти события происходили неподалеку, и мы в Кулешовке так оказались под немцем.

К приходу оккупантов в деревне успели разобрать по дворам колхозный скот. Возможно, поступили так и с иным колхозным имуществом, но мне неизвестно.

Супостат вошёл в деревню, сопровождаемый автоматными очередями - стреляли по курам и гусям. Особенно галдели гуси, не приученные к такому обращению. Их гогот по сию пору стоит в моих ушах. И ещё, конечно, немецкие машины.

Сама по себе автомашина была невидалью для четырехлетнего мальчонки из глухой деревни. Ан, невидаль удивляет, а не потрясает. Меня же потрясли следы оставленные цепями, натянутыми на колёса вражеских машин. (Немцы не рискнули без цепей преодолеть осеннюю грязь). Оставленные колёсами отпечатки напоминали следы птичьих лап. Напоминали, а были совсем

¹⁰ Там же

ИНЫМИ. Инаковость эта открывала в знакомом нечто новое, и вместе с тем тревожное, а потому страшное.

С немцами в нашу маленькую и глухую деревню пришли тревога и страх. Их сопровождай склоки, наветы, поклёпы. Откуда-то вынырнули совсем неприличные люди, которые добровольно согласились сотрудничать с оккупантами. У нас таким был Петруха Мамонов. Под этим именем, а может и кличкой, его знала вся наша деревня. Таким запомнил его и я.

Петруха ревностно помогал захватчикам, - подменив собою деревенского старосту, и полицейского, и фашистского согластатая. Лично мне, конечно, многое из случившегося в то тревожное время было неизвестно. В памяти сохранились скорее разговоры, ходившее среди взрослых. Но всё-таки даже детская память сохранила не фантастические, но реальные злодеяния Петрухи: помощь немцам в конфискации скота, донос на наше семейство и ряд иных нелецеприятных дел.

Результатом последнего могли быть нешуточные меры оккупантов, продержись захватчики а наших краях подольше. Конфискованную скотину погрузили в вагоны: и отправили в Германию. Взамен, «от щедрот» нам выдали оккупационные марки. Я их немного помню - после изгнания захватчиков мы, мальчишки, играли ими.

С доносом на наше семейство дело обстояло намного серьёзнее. Об уготовленной нам оккупантами участи, мы не знали. Узнали после освобождения. Оно было стремительным, не успели враги осуществить задуманное злодеяние. Даже документы в спешке побросали, из них-то мы и узнали об их зловещих планах.

Петруха, конечно, не зевал. Он и другие предатели обо всём доносили немцам. Но враги в наших краях откладывали свои злодеяния *на потом*. К нашему счастью «потом» у них не случилось.

За время, хоть и короткое, оккупации в деревне ходила масса слухов. Часть из них имела под собою, правду, другая в чём-то правдивая, ну, а третья - просто неумная

фантазия людей, оказавшихся в почти безысходном положении.

К числу таких слухов относился пущенный в ноябре 1941-го. Утверждали, что в Калуге, а может и под Калугой. немцы открыли лагерь военнопленных и, как будто, там видели моего отца.

0415 Bahnhof von Kaluga nach der Einnahme am 12.10.41_1.jpg

В Калугу мама собралась без раздумий. В ту пору, да ещё и при немцах ни о каком транспорте речи не могло быть. Исключалась и лошадь. До Калуги от деревни было 50 километров. Мама решила пойти пешком. Лагерь пленных в захваченной немцами Калуге был.

(Ролик из немецкой кинохроники «Да, "Ди Дойчен Вохеншау" о вступлении немцев в Калугу и колоннах пленных см. <http://stydents.net/showthread.php?t=2840>)

0410 Kaluga nach der Einnahme am 12.10.41_1.jpg

Окрыленные победами Вермахта немецкие лагерные власти разговаривали «почти ласково», более того, отдавали жёнам домой их мужей, ибо были уверены, что их победа будет окончательной, скорой и надолго. Отца в этом лагере не было. Мама опять-таки пешком отшагала 50 вёрст обратно до деревни.

Впрочем, было это уже не осенью, а зимой. Зима же 1941/42 гг. была под стать времени - очень суровой.

ГЕНЕРАЛ МОРОЗ.

Природа была нашей, русской, и тоже защищала Родину от врага. Защищала как могла, но основательно. Впрочем, это дало повод германскому командованию для оправдания постфактум. По их версии они были разбиты не Красной Армией, но «генералом Морозом».

А вот отход немцев из Подмосковья трудно назвать отступлением: они не шли, они бежали. Как рассказывали очевидцы, «подпрыгивали в своей летней форме одежды – в этих тонких мышиноного цвета шинелях». Правда, высокие чины германской армии дополняли шинели меховые воротники, ими они укрывали шею. А на головах к пилоткам дополнительно прикрепляли суконные лоскуты. Обувь разнообразилась тем, кому что удалось перехватить – кое кто остался в ботинках, а у некоторых были белые бурки.

Один из наших дедов язвительно спрашивал: «Ну, что жарко вам? Погодите, ещё не то будет! А ты, Мороз, не стесняйся, дави их».

У нас ходили слухи, что супостата сильно потрепали в районе станции и Козельска. На станцию пришёл состав с рождественскими подарками. Немцы долго веселились и не без «шнапса» конечно. Тут-то им и стало «жарко» и совсем не от рождественских морозов, а от атаки красноармейцев.

В четыре года я по морозу не гулял. Но хорошо помню, как к нам в дом очень поздно вечером пришёл И.В. Ермаков, Председатель нашего колхоза, тогда подпольщик.

Он искал моего дядю Васю. Дяде Васе в ту пору было 18 лет. Иван Васильевич радостно сообщил, что где-то ближе к Сухиничам видели наших разведчиков. В соседней деревне, недалеко от нас крупный немецкий гарнизон празднует Рождество. Там их много, и судя по всему – пьяные. Хорошо бы проинформировать наших, можно взять «тёпленьких».

Дядя Вася встал на лыжи и отправился выполнять поручение. Искать своих оказалось занятием долгим. Нашли большое подразделение нашей разведки, они-то и разбили немцев.

Но, разыскивая разведчиков, дядя Вася сильно простудился. Он долго болел и так до конца жизни не оправился от болезни.

Конечно, немало эпизодов в моей тогда очень молодой жизни связаны с дядей Васей. Но есть и нечто главное, что послужило стержнем в моём патриотическом воспитании. Было это тем, что я услышал от дяди Васи зимой 1942 года, уже после нашего освобождения.

Хорошо помню, морозное утро. Солнце тогда уже по-весеннему яркое пробивалось сквозь замершие, заиндевелые окна. Мы с бабушкой примостились поудобнее, а дядя Вася читает газету «Правда»: «В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили восемнадцатилетнюю комсомолку-москвичку, назвавшую себя Татьяной».

Это была Зоя Космодемьянская.

Из рассказов солдат петрищевские колхозники узнали обстоятельства поимки партизана. Он пробрался к важному военному объекту. На нем была шапка, меховая куртка, стеганные ватные штаны, валенки, а через плечо — сумка. Подойдя к объекту, человек сунул за пазуху наган, который держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полил из нее и потом нагнулся, чтобы чиркнуть

спичкой. В этот момент часовой подкрался к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось оттолкнуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат выбил у него из рук оружие и поднял тревогу. Партизан был отведен в избу,

где жили офицеры, и тут только разглядели, что это девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими темными глазами и темными стриженными, зачесанными наверх волосами...

Место казни окружало десятеро конных с саблями наголо. Вокруг стояло больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

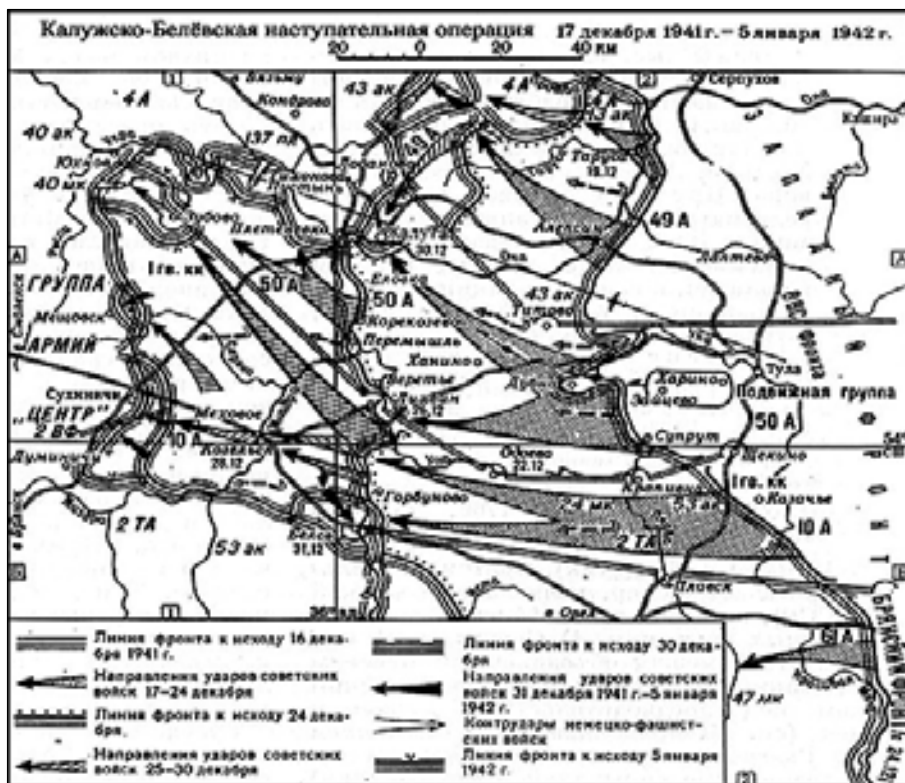
Под спущенной с перекладины петлей были поставлены один на другой два ящика из-под макарон. Татьяну приподняли,

поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего «кодака»: немцы — любители фотографировать казни и экзекуции. Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обождать.

Татьяна воспользовалась этим и, обращаясь к колхозницам и колхозникам, крикнула громким и чистым голосом: — Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!».

Бабушка всхлипывала, я сидел насупившись. Видимо первый раз в жизни осознал, что бывает враг. Враг нещадный, достойный уничтожения. Потом мне проще было понять эренбургское – «убей немца».

Казалось бы, что 1942 год обещал быть счастливым. Поражение немцев под Москвой говорило о многом. Мои земляки вернулись к руинам, малая родина стала свободная вздохнула свободнее. Но радостнее ли?

Борьба ещё предстояла нешуточная. Ведь за Козельск, например, бои продолжались 27 и 28 декабря и только к 23 часам 28-го декабря войскам 10 армии удалось ворваться в город и захватить большие трофеи.

Через наши края на северо-запад прошел 1-й гв. кавалерийский корпус Белова, прорвался к Юхнову, но взять его тогда не удалось и даже пришлось под немецкими контрударами несколько отступить. Красная Армия продолжало наступление в направлении на Сухиничи. Тогда фронт остановился на правом берегу Жиздры, перед пос. Думиничи. В ходе Московской битвы Думиничи первый раз были освобождены от врага 4-6 января 1942 года, но вновь оставлены после кровопролитных боев 19-21 января. Особо ожесточенные бои за поселок и станцию Думиничи вели 20-23 января 1942 года полки 328-й стрелковой дивизии 10-й армии.

Окончательно Думиничи были освобождены 2 апреля 1942 года. Во время войны посёлок был практически полностью раз-

рушен, сохранились только три жилых дома и бывшее здание райкома.

Южнее Козельска 18 февраля 1942 года наши войска были вынуждены оставить немцам и Ульяново. Для жителей района началась повторная эвакуация населения. Она была более массовой, чем первая.

Я помню, как к нам в деревню буквально нахлынули эвакуированные. Это были в основном женщины с детьми. Среди детей большинство было моих ровесников.

Мы сами жили небогато, но эвакуированные просто погрязали в нищете. И это порождало даже трагедии. Об одной из них я не могу ни вспомнить без содрогания.

В одной из благополучных семей нашей деревни решили потравить мух. Для этого на окнах расставили блюдца со сладкой водой, в которой развели ДДТ. Это была отравка, которой травили мышей мух и прочую нечисть.

Девочка, моя ровесница не удержалась и попила этой «сладкой водички». Хоронили её мы всей деревней. Для меня это была трагедия. Ведь это были первые похороны в моей жизни практически близкого мне человека. Ведь мы вместе играли. И при том на моей памяти никто не умирал.

Если быть точным в июне 1941 года умерла моя прабабушка. Но это смерть почти не оставила в моей памяти никаких следов. А тут ведь ровесница, товарищ по играм.

Этой смертью для меня открывалась череда событий, которой я за всю жизнь так и не нашел рационального объяснения.

ОКРУЖЕНЦЫ

Если спросить моего земляка, да ещё и ровесника, а чем ему запомнился 1942 год можно с уверенностью сказать, что он непременно ответит – окруженцами. Действительно, их было много, даже очень много.

Во-первых, жили мы в глухой деревушке, куда совсем не часто заглядывало начальство. Что несомненно представляло

большое удобство для окруженцев. Во-вторых, у нас был тыл, всё-таки тыл, хоть и самое отдаленное место от фронта располагалось за 70-80 км. И, наконец, третье, пожалуй, главное: какой фронт с нами соседствовал – Ржевский.

Окруженцы пристраивались в семьях. Большая часть их была мастеровые. Они шили верхнюю одежду, тачали обувь. Как правило, жили не долго: одни уходили на их место приходили другие. Как там сказывали предки – свято место пусто не бывает.

Было бы большой ложью, если бы я говорил, что окруженцев ждали с распростёртыми объятьями. Скорее наоборот. Особенно свирепствовали чекисты всяческого рода.

Специальные лагеря для проверки военнослужащих, оказавшихся в плену или вышедших из окружения были созданы по приказу от 27 декабря 1941 года. С февраля 1945 года они были переименованы проверочно-фильтрационные лагеря и фильтрационно-проверочные пункты (когда пошли люди, угнанные на территорию Германии и других стран и там освобождёнными нашими войсками).

Один из таких лагерей был разбит в недалекой от нас Оптиной пустыни. Ходили разговоры, что многих из этого лагеря однажды погрузили в эшелон и направили на Восток.

А просуществовал лагерь в Оптиной пустыне с весны 1942 года до середины 1944 года. Кто там бывал, рассказывали: « В лагерь прибывали освобожденные из немецких лагерей, бежавшие из плена, как правило, офицеры от младшего лейтенанта до полковника включительно.

Судьбу их решала «тройка». Если твоя часть была в окружении – рядовых отправляли на фронт, А если нет и ты сдался в плен добровольно, то дорога была одна – в ров , сзади лагеря».

Окруженцы, особенно в наших краях, были в те годы настолько массовым явлением, что имели касательство почти к каждой семье, не исключая нашу.

Дело в том, что дядя моей бабушки, брат моего прадеда был лесником в так называемом Акатовском лесу. Лес этот доброго слова не стоил, его свели ещё в годы революции и гражданской войны. Тогда, и особенно теперь это был массив заросший кустарником. Но как бы то ни было – стояла сторожка, в которой жили мои родственники: дед Пётр Дмитриевич, его сестра Нина Дмитриевна и бывшая монахиня Шамординской обители.

К своему стыду, я не помню её имени, но знаю, что она была искусная рукодельница. Особенно хорошо у неё выходили ватные одеяла из атласа. Одним таким в детстве укрывался и я. Оно было столь красиво, что моя мама очень дорожила им и долго хранила его. Потому-то я и знаю о нём.

Так вот, лес на то и лес, что место глухое, в том смысле, что трудно доступное для властей. Скорее всего, там у моего родственника всё-таки жили окруженцы. И скорее всего из числа тех, у кого было желание скрыться от чекистов.

Власти объявили деда Петра Дмитриевича пособником диверсантов. Сторожку ликвидировали (потом её разграбили трудящиеся), деда арестовали. Тогда ему шёл 82-й год.

Видимо так и не добившись от деда нужных сведений (а их, скорее всего, и не существовало) его выпустили. Кагэбистский начальник сообразил, что совсем невыгодно «ни за что ни просто» кормить деда бесплатной тюремной похлёбкой

К тому времени сторожка перестала существовать. Тётю Нину Дмитриевну приютила старшая сестра бабушки тоже тётя Нина, но Ардалиновна, по фамилии мужа – Мохова.

Бывшая монахиня исчезла. Куда исчезла, мне не ведомо. Таким образом, дед Петя из тюрьмы вышел к нам в дом.

С ним было интересно, с Петром Дмитриевичем Александровым. В молодости он поработал в Киеве. Даже заведовал небольшим имением украинского сахарозаводчика Терещенко.

Терещенко был его кумир. Правда, многое из того, что он рассказывал, так и не отложилось у меня в памяти. Оно и понятно, дед умер на 87 году жизни в 1948 году, мне тогда было 11, да жил я тогда уже с отцом на спецпоселении на Вой-Воже Коми АССР

Я знал, что в Москве у него то ли дочь, то ли дочери, и на какой-то ответственной работе. Тогда, в Кулешовке никто из нашего семейства с ними связи не поддерживал. Не знали мы, живые они или нет. А коли были живы, наверняка давно пенсионеры.

У нас в семье жила ещё и Варвара, инвалид детства из Шамординского детского приюта. Приют, существовавший при монастыре, большевики разогнали ещё в 1919 году. У неё были парализованы левая рука и левая нога. В колхозе она не работала, и дед Петя считал её, как и себя, нахлебницей.

Между ними часто возникали склоки. Моя бабушка, как могла, успокаивала их. Дедушку же Ивана Петровича, мамина папу, они и уважали, и боялись.

НЕСПОКОЙНЫЙ 1942 ГОД

Весна, а особенно лето 1942 года были сложными. Жизнь не давала радостно дышать полной грудью даже на освобожденной от врага земле. Не месяц и даже не год фронт был почти рядом. Несколько населенных пунктов пришлось отселить от линии фронта. И, как уже писалось, для многих организовывать повторную эвакуацию.

Даже в нашей малюсенькой глухой деревни через всю деревенскую улицу выкопали глубокую траншею по всем правилам военной *фортификации*. Нет худа без добра, и деревенская молодёжь немного постарше автора этих строк очень полюбила площадку, хорошо расчищенную под артиллерию. Всё лето 42-го и лето 1943-го, даже по-моему ещё и в 1944 году на ней организовали посиделки с танцульками.

Ну, и как тут ни вспомнить более позднее: *«Девочки война, война до самого Урала. А кругом весна. Весна!». Эх, молодость пропала*». И всё-таки это была война. Война кровавая, беспощадная, подлая. наших парней в этом смысле Бог миловал. Их же ровесники и земляки из Козельского и Ульяновского районов погибали почти у самого родного дома.

После военной подготовки наспех в Тульских лагерях от Тулы почти до дома они следовали эшелонами. По родным местам шли маршем, т.е. пешком. Им запрещалось выходить из строя. Но какой запрет может удержать от встречи с родными, если идёшь практически на смерть.

Конечно, они выбегали, конечно, обнимались и целовались с родными, и все поголовно плакали: «родные наши, как мы без вас. Вернитесь здоровыми, мы вас будем ждать»

У нас же продолжалась мобилизация. Помню, как по весне забрали в Армию дядю Васю и его деревенских сверстников. В нашей деревне их было не очень много, но ни один из них так и не вернулся с войны, исключая, пожалуй, дядю Васю, Но и о

нём разговор особый. После мобилизации Василий Иванович Симонов был определён в школу младших лейтенантов в Краснодаре.

Даже в таком благодатном краю как Северный Кавказ в 1942 году жилось несладко. Я же писал о том, как в декабре 1941 года ожидая наших разведчиков дядя Вася сильно простудился. В школе младших лейтенантов болезнь взяла своё. Развился туберкулёз легких в самой зловердной открытой форме.

Дядю Васю демобилизовали, сактировали, как тогда выражались. Домой вернулись кожа да кости. К счастью у нас, у дедушки, была пасека. Пасека невеликая, но свой мёд был. За него можно было выменять и сливочное масло. Ну уж, а алое, столетник, рос на каждом окне.

Я и тогда, а сейчас не знаю тем более подробностей того, как лечили моего дядю. Важно, пожалуй, не забывать, что был 1942 год. Была глухая деревня и что тогда не было не только антибиотиков, но и не слыхивали и о сульфаниламидных препаратах. И всё-таки жизнь в дяде Васе поддерживали.

Полного излечения так и не наступила ни тогда, ни позже. Когда уже были и сульфадин, и сульфадимизин и всесильный стрептомицин. Василий Иванович Симонов умер в 1955 году, в возрасте 32 года. К счастью для нас он успел жениться и у него родились две дочери.

Если в 1941 году война ударила как гроза среди ясного неба, то в 1942 году мы, жители территорий не занятых врагом, частью приспособились. В наших деревнях особенно не хватало товаров повседневного спроса, миткаля, галош и всего такого, что трудно было изготовить самим в домашних условиях..

Как-то не поворачивается язык назвать нашу жизнь в ту пору ренесансом бытового обскурантизма. Но элементы регресса всё же были на лицо. В деревнях заработали громоздкие деревянные ткацкие станы, на участках стали сеять коноплю, Её использовали не только в качестве пеньки для веревок, но и как основу для грубых, но прочных тканей

Самодельные деревянные прялки сохранились почти у всех. Кто остался без них пряли веретеном.

Вспомнили о льне. Его не только стали сеять, но и готовить из него холсты. Отбеленные симпатичные холсты. Для их подготовки надо было овладеть целой наукой. Мне она не ведома, а потому боюсь что напишу околесицу, которая несомненно вызовет смех. Но тема-то не для зубоскальства.

Помню, как дедушка делал лапти-калоши, которые не пропускали воду и вполне заменяли настоящие галоши. Липовое лыко и пеньковый шпагат плотно упаковывали при плетении. Такие галоши действительно не пропускали воду, их можно было носить, надевая на валенки.

Я долго думал, что подобные изделия изобретение моего деда и других деревенских умельцев постарше. Долго, пока из похода через Северный полюс в конце 70-х годов не возвратился дядя Володя. Родной брат моей тёщи, он был полковник медицинской службы и сопровождал сверхдальний поход атомной подводной лодки. Из похода он привёз списанное брезентовое ведро. В нем прекрасно хранилась вода и была всё время холодненькой, ибо часть её испарялась через стенки, охлаждая основную массу.

Зачем я всё это пишу? Видимо затем, чтобы отдать уважение опыту предков. Напомнить, что мы не первые живём на этой земле, и уж, точно, не самые умные из всех, ранее на ней живущих.

И не только домашним ремесленническим ренессансом интересен нам 1942 год в бытовом плане. Кабы наши теперешние «зелёные» знали, как в 1942 году извели большие деревья в нашем маленьком лесу с названием «Княжуха», их хватил бы удар.

Но ничего не поделаешь – войны это всегда жертвы. Правда, как это часто бывает (в нашем случае точно) ещё и отсутствие порядка, точнее, представлений о нём мирного времени.

Брёвна в лесу резали не только военные для своих фортификационных целей. В деревне в ту пор появились продоль-

ные пилы, и стали заготавливать доски из спиленных в Княжухе деревьев. Доски ведь всегда нужны в крестьянском хозяйстве. Совсем не страшно то, что они были сырые. Ко всему можно приспособиться. Я сам спал на полатах, сооруженных из подобных досок рядом с русской печью.

Можно ли обвинить меня за это? Думаю, что будет это не совсем справедливо, а уж тем более, совсем несправедливо обвинять тех, кто в 1942 году выпилил большие деревья в Княжухе. Я так думаю, ибо, прежде всего, благодарен им за сохранение моей жизни и жизни моих сверстников. Они, возможно, важнее погубленных деревьев, иначе другие, наши отцы и старшие братья не стали бы оплачивать их, наши жизни, жизнями собственными. Отсиделись бы, как говорят, в крапиве.

К самому 1942 году у меня собственная претензия, и она не безосновательна. Я уже писал, что летом 1942 года через всю деревню вырыли глубокую траншею. Весной 1943 года, когда потекли ручьи она заполнилась почти на всю глубину водой. Земля ещё не оттаяла, и вода некоторое время стояла в траншее.

Мальчишка в 6 лет любопытен до невозможного. Меня почему-то очень интересовала заполненная водою траншея. Она была рядом с домом и конечно большим грехом было мне из любопытства не разглядеть её.

Была, правда, одна тонкость – бруствер окопа был из глины. Глина оттаяла, но не высохла. Одним словом, подойдя к краю траншеи, я съехал в неё как на лыжах. Ещё бы немного и захлебнулся бы в глубоко заполненном водою окопе.

К счастью я был не один, со мною гуляла моя тётя, которой в ту пору было 13 лет, точнее 12 полных. Кто меня вытащил не знаю, не помню. Возможно тётя, возможно, она позвала кого-то из взрослых. Но я, как видите, остался жив.

В 1942 году летом и тоже в присутствии тёти на правой ноге мне раздавило мизинец. Мы катались на конном приводе молотильного агрегата. По сути дела это был огромный редуктор с мощными шестеренками. В зацепление двух из них попал мой

мизинец. Тётя этого не могла видеть и продолжала крутить во-
дило.

Я заорал благим матом (была раздавлена кость мизинца).
Текла кровь, но надо признать героические усилия моей тёти.
Она не бросила всё в ужасе, а пошла искать взрослых.

На дороге ей повстречался дядя моего отца. Он был, ко-
нечно, стар, но ещё крепок. Где-то отыскал толстенную жерди-
ну, похожую на оглоблю, ею он поднял часть редуктора, а по-
том на руках принёс меня домой. Медпункта в деревне не было.
Я не помню подробностей, и помнил ли я их, не знаю. Расплю-
щенная кость мизинца правой ноги напоминает мне этот эпи-
зод по сию пору.

Можно спросить, а зачем я это всё пишу, ведь шла страш-
ная кровавая война. Ну, что сказать, кажется, у Перова в Треть-
яковке есть картина называется «Всюду жизнь». Так вот, жизнь
была и во время описываемой войны. Она была непохожа ни на
нынешнюю, ни просто на довоенную, потому-то и интереснее к
ней приглядеться.

1943 год

С приходом 1943 года в нас вселилась уверенность, не «шапкозакидательское» ожидание скорой победы, а крестьянская обстоятельность: немец не пройдёт! А победу, её ещё надо завоевать – добить немца. Сделать это нелегко, о том знали все, даже я, пятилетний ребёнок.

А жизнь по-прежнему была трудной, но щемящее чувство чего-то страшного – « в любой момент может прийти немец» постепенно уходило куда-то, в какие-то основательно затерянные уголки души. Мы уже не ждали *большого худа*.

1943 год очень уж отличался от года 1942. Окруженцы больше не валили валом. О них, по-моему, вообще не было слышно в наших краях. Хотя мы по-прежнему жили почти на границе с фронтом, да и военные в деревню всё-таки захаживали иногда.

Но как отличались эти военные 1943 года, от голодных и нищих окруженцев. Большая часть теперешних военных была комсоставом с хорошими пайками на дорогу, и, чаще всего, интересовала их выпивка

Дедушка как-то находил с ними общий язык, а потому у нас на столе иногда бывали и консервы. Мне памятен больше всего горох с мясом. Бог мой, какая это была прелесть. Я, кажется, и сейчас готов один съесть целую банку таких консервов.

И всё-таки главные события в 1943 году разворачивались летом. Ещё в июне, ещё до начала Курско-Орловской битвы, у нас на одном из полей приземлился самолёт. В нем что-то сломалось, но лётчик умело посадил его на грунт.

Самолёт - это большая невидаль в наших краях, а для нас, детворы, в особенности. За самолётом должна была приехать ремонтная бригада. Возможно, по причине нашей отдалённости и глуши, возможно по иной причине (теперь-то мы знаем, что готовилась Курско-Орловская битва) бригада не спешила нас навестить.

От нечего делать лётчик гулял *под «парами»*. Мы, ребята, ходили за ним хвостом. Хвост был невелик, нас в деревне было мало. Лётчик нас ласкал по-своему: у него были, деньги и он совал их нам, обездоленной малышне.

Не помню, как другие, но я отказался от красненькой (тогда такой была купюра в тридцать рублей). Не могу объяснить, почему я так поступил. Скорее всего, был приучен ничего из ценного не брать у чужих людей.

За самолётом всё-таки приехали. Летчик уехал вместе с бригадой, и было это уже в июле 1943 года.

Теперь хорошо известно, что Орловская операция войск Брянского, центрального звена Центрального фронта началась с наступления наших войск 12 июля в 3 часа 12 минут.

К полудню 12 июля воины 27 гвардейского полка овладели второй позицией немцев, а к вечеру и третьей. Враг отошёл по направлению Ульяново-Дебрь. Через два дня были успешно разгромлены вражеские узлы обороны в районе Ульяново.¹¹

15 июля, опасаясь решительных действий наших войск, немцы оставили ряд деревень. Так в 50 км от нас весь Ульяновский район был освобождён от захватчиков. А для всех нас была ещё и ликвидирована висевшая над нами несколько лет дамокловым мечём немецко-фашистская угроза. **Мы обрели уверенность - немец не придёт, теперь уж не придёт никогда.**

В это время были освобождены и другие населённые пункты не только Калужской, но соседней Орловской области.

О Курско-Орловской битве, ключевом сражении Великой Отечественной войны, написаны горы мемуаров, исследований, просто воспоминаний, снят не один кинофильм. И всё же, как мне кажется, ничто не может заменить увиденного воочию, пусть даже глазами очень молодого человека.

¹¹ Село Ульяново представляло собой немецкий хорошо укрепленный оборонительный узел. Этот узел входил в подготовленный немцами оборонительный рубеж «Хаген».

В августе ночи, если только это не в полнолуние, в наших пиротах тёмные. Тёмные очень. Особенно в нашей деревне, в которой нет уличных фонарей, а в домах только керосиновые лампы. И даже знаменитые «молнии» были не у всех. Допотопный светец у многих заменяли коптилки.

Так было всегда, исключая август 1943 года. Бывало, выйдешь на крыльцо, глянешь в южную сторону и приходишь к убеждению: природа ошалела – всю ночь занимается багряная заря, небо расцвечивают мощные прожектора, в перекрестье которых попадают самолёт, на них, в свою очередь, обрушивается град светящихся, трассирующих пуль. И это не одну ночь, да так, что даже привыкаешь к этому разнообразию, и потом обычное мирное небо начинает казаться скучным и однообразным.

Что изменилось в сентябре-октябре? Иногда мне кажется, что ничто. Разве вот небо с юга стало опять темным, как это было сто и тысячу лет назад.

Было, конечно, и личное, точнее семейное. В 1943 г., стар-

ший брат моей мамы дядя Коля, Симонов Николай Иванович, тогда лейтенант, 1918 г.р., зарегистрировал в освобождённом Курске брак с лейтенантом медицинской службы Шмаль Зоей Николаевной, 1920 г.р.

Ст. лейтенант Симонов Н.И. с женой Зоей Николаевной. 1945 г.

No. 46240

Все графы замкнуты полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Сидимов Николай Иванович
2. Звание Лейтенант мпм в 3. Должность, часть Лейтенант инженерно-технической службы
ПВМФ МОБ ВВС Сухопутных Войск Белорусской Республики
Представлялся в Среду Красной Армии
4. Год рождения 1918 5. Национальность русский 6. Партийность член ВЛКСМ с 1936
7. Участие в гражданской войне, послужных боевых действий во защите СССР и отечественной войне (где, когда) Центральной - Белорусской Фронт с 8 марта 1941
8. Был ли ранен и контужен в отечественной войне не было
9. С какого времени в Красной Армии с октября 1939 10. Когда РВК принял Ленинградские РВК Красной Армии
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награждался
12. Постоянный домашний адрес представляемого и награжденного и адрес его семьи

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

[illegible]

24 - 2000/2001

109-405
Deposited

Выше помещен обнаруженный на сайте www.podvignaroda.ru наградной лист на лейтенанта Симонова Н.И.

У них в 1944 году родилась двойня, мои двоюродные брат Игорь и сестра Валерия. Так начинались наши Киевские связи. Но это разговор и отдельный, и особый, послевоенный.

А вот так разросся наш «киевский клан». Некоторые его представители (далеко не все) изображены на этой фотографии. Они суть: стоит мальчик Глеб, мой двоюродный племянник - сын стоящей за ним Валерии, моей двоюродной сестры. Сидит рядом с Глебом мой отец - Потапов Василий Данилович, слева от него тетя – Симонова Зоя Николаевна, справа моя мама – Потапова Татьяна Ивановна, рядом с нею автор этих строк – Потапов Николай Васильевич, а рядом со мною дядя Коля – Симонов Николай Иванович. Фотография 1976 года.

Я был тогда в Киеве один без своего семейства, скорее всего проездом.

1944

1944-й год практически начинался со свадьбы. Мясоедом, в полном соответствии с традицией, женился дядя Вася. Женой он выбрал себе Свирину Марию Яковлевну. Она была родом из деревни Калинино (когда-то она была селом и называлось Богородицким). Но об этом, пожалуй, уже никто и не помнил.

Даже никто не помнил, где стояла церковь, но на бывшем прицерковное кладбище продолжали хоронить. Я сам копал могилу для свекрови моей тети Иры, старшей сестры мамы. Мария Яковлевна, к стати сказать, была соседкой тётки Иры. Не уверен, что это явилось решающим обстоятельством для дяди Васи при выборе жены. А там - как знать.

К свадьбе долго готовились. Наша изба (строго говоря, изба деда) ещё с былых времен была пятистенной. Состояла из двух помещений. То из помещений, что поменьше, имело русскую печь. Его проще, видимо, было протопить, и мы жили в нем. Другое помещение было большим существенно. В нем тоже была русская печь, но мощная и громоздкая. Чтобы прогреть только печь требовалось сжечь много дров. А это и накладно, и даже ни к чему.

«Модернизацию» избы дедушка начал с перекладки печи. Громоздкую печь просто сломали (разобрали на кирпич). Дедушка был хорошим печником. Ещё до революции он складывал домны в Екатеринославе (Днепропетровске). В избе он сложил голландку (*грубку*, на местном диалекте). Кирпич клал «на ребро», что исключало необходимость прогревать сначала толстые кирпичные стены самой печки.

Были, конечно, нюансы: такая грубка могла и развалиться. Но тут всё определялось мастерством печника, а печник дедушка, повторяю, был классным.

Ещё одно, говоря по современному, ноу-хау дедушка использовал при кладке этой грубки. В ней были 11 колен, пройдя которые дым выходил в трубу практически холодным, отдавая по пути всё тепло сложенным «на ребро» кирпичам.

Грубка не только не дымила, но и согревала практически громадную избу одной вязанкой дров, или даже кучей не очень толстого хвороста.

В этой избе я увидел поразительный дубовый обеденный стол. Он был огромный и, даже тогдашний, я понял, почему красивый стол не ставили в малую избу – в ней просто бы нельзя было развернуться.

Места в доме стало существенно больше. Помню, когда было тепло (летом поздней весной, ранней осенью) я по-барски спал в большой избе. Когда по мне спать было холодно, лез к печке, на полати.

Важнейшим событием начала 1944 года была у нас свадьба дяди Васи. Её проводили с соблюдением православной традиции. Свадьба была знатная, хотя ни деда Петю, ни меня за стол не приглашали. Впрочем, мы были не в накладе. По части закусь и даже выпить всё было в лучшей форме. А если учесть, что ни я не покидал своих полатей, ни дед Петя своей тёплой постели, то о подобном празднике было можно только мечтать.

На столах в бутылках оставалось немало недопитого. Эти бутылки шли к нам в распоряжение деда Пети. Не думаю, что ими он распорядился нерадиво. Ну, не было разговоров о том, что дед Петя напился или там напоил меня малолетку. Ну а закуски, закуски были на выбор – ешь не хочу.

Свадьбу отгуляли, или отыграли, как у нас сказывали. Все мы стали жить в обеих избах – большой и маленькой. Скоро, что называется, обвыкли. Не вызывал удивления даже ситцевый полог, который отделял постель молодых от прочего пространства в избе.

Природа брала своё. Зима сменилась весной, весна летом, а лето осенью. В мою юную душу так ничего и не запало за этот период. Ничего из того, что осмыслить и запомнить. Ничего, разве что, школа.

1- го сентября формально мне не исполнялось 7 лет. Родился я всё-таки в октябре. Но при желании, школу мне посе-

щать было можно. Было ли у меня желание, не помню, возможно и было. Было ли желание у моей мамы?. Думаю, что особых нежеланий всё-таки не было, хотя на первый план выступали возможности.

В школу надо было ходить в соседнее Руднево, а это хоть и не очень далеко (чуть более 2-х километров), но по бездорожью. А в осеннюю и весеннюю слякоть откровенно по грязи. Другими словами, нужна была добротная обувь, а у меня (у моей мамы для меня) просто её не было. Вопрос о посещении школы отпал из-за ботинок, точнее их отсутствия.

Трагедии не было, да и начальство не цеплялось – ну, не исполнилось ребёнку полных семь лет. В школу можно и не ходить, а я и не ходил. Особого беспокойства это обстоятельство ни у кого не вызывало.

Волнение, радость у всех у нас вызвало нечто другое. В конце 1944, а может быть и в самом начале 1945 года, с фронта из-под Варшавы домой в краткосрочный отпуск прибыл дядя Коля. Ситуация на фронте позволяла его получить хоть и очень на недолго.

Что способствовало этому благородному решению, судить не берусь. Знаю только то, что были у старшего лейтенанта Симонова Н.И. боевые заслуги, и что в апреле 1944 года у него родилась двойня, сын и дочь, и что жили дети со своей мамой в Киеве. Из-под Варшавы, дядя Коля приехал в краткосрочный отпуск. Видимо, боевая обстановка давала такую возможность: и не только побывать в Киеве, но заехать в деревню, повидать родителей. Им обоим было тогда под 70.

Зоя Николаевна потом часто повторяла, что тогда дядя Коля из деревни привёз огромного гуся и как долго они с мамой (Марией Филипповной, тёщей дяди Коли) его ели.

Дело, конечно, было не в гусе. Сам приезд с фронта повидаться стоил дорогого. Лично я дядю Колю не знал, его мобилизовали в 1939 году, ещё раньше, чем моего отца. Но весь дом

был заполнен радостью, такой эйфорией по случаю его приезда, что не принять её, не жить ею просто я не мог.

С отъездом дяди Коли закончился праздник, вроде бы и наступили серые будни, но он долго оставался предметом разговоров и воспоминаний. Особенно старалась моя мама. Ведь он был всего на пять лет моложе её. Выросли почти вместе. Ну, а роль наставника и защитника младшего братишки никогда не оставляла её. Маму восхищала в дяди Коле всё – от умения надеть красиво лапти до отличной учёбы.

Я с детства был любопытен, ну любил я проверить содержание укромных мест. Однажды нашел справку, выданную ученику Шамординской средней школы по случаю окончания 7-го ласа.

В ней были одни пятёрки, я, конечно, возгордился и показал документ дяде Васе. На что мой дядя ухмыльнулся и не советовал мне верить каждой бумажке. Хулиганистый приятель дяди Коли, как оказалось, стащил печать и оформил «липовые» справки себе и своему приятелю Николаю.

Это сообщение я не то, чтобы не принял всерьёз. Я просто пропустил его мимо ушей, очень давила легенда об идеальном моем старшем дяде.

А дядя Вася не то, что был для меня не в счёт. Просто как младшего его все в доме звали его просто Васей. И я тоже. Когда же первый раз в отпуск мы с мамой приехали с Севера, то ли я повзрослел, то ли просто поумнел, но уже при первой же встрече мне стало как-то неудобно назвать дядю просто Вася. Тогда-то, первый раз в жизни, я назвал его дядей. Он не возразил. С той поры всё стало на свои места. Как и положено. Родного дядю, который был старше меня на 14 лет, я стал звать дядей.

1945

1945 год подошел, как говорят, тихой сапой. Салюты по случаю освобождения наших, равно как и отбитых у противника городов, до нашей глуши не доходили. Я уже писал, о телевизоре, тем более, о телепередачах. Обо всём этом мы и не слыхивали. Одним словом, как и века назад, жили в «темноте, но не в обиде».

Тогда, в 1945 у меня появилась перспектива как у школьника - ботинки всё-таки купили. Даже сумку какую-то для тетрадей и книжек нашли. Сумка была добротная из тонкого брезента защитного цвета. Правда, впереди на ней «торчал» на белом фоне тоже добротно оттиснутый красный крест. Его долго пытались вывести. Кажется, к моему походу в школу всё-таки отчистили.

Впрочем, как говорят – всё это «суета сует и всяческая суета». Главным событием города всё-таки была Победа. Её все так чаяли, к ней так стремились, за неё положили столько жизней, что даже говорить о ней – суета. Одним словом, 9 мая 1945 года останется памятью в веках. По крайней мере, до той поры пока на земле будет теплиться хоть единственная русская душа.

Летом 1945 года начали возвращаться фронтовики. Они были, конечно, разные. Хотя почему-то больше запомнились из них те, кто привёз чемоданы с немецким добром.

Возвратился даже сосед дядя Ваня Власов, утверждали, что он побывал в плену у немцев, а теперь его отпустили. А от отца всё так и не было вестей.

Где-то, кажется, в августе 1946 года на сельсовет пришло письмо. Письмо было от отца: он разыскивал маму и меня. К тому времени чекисты в местах поселения сменили гнев на милость – отцу разрешили вызвать маму и меня.

Но чтобы поехать, маме нужен был паспорт и разные прочие справки, а их получить запросто было практически не реально.

Очень помог Павел Данилович, мой дядя, старший папин брат. Он был председатель одного из ближайших колхозов. Но даже, несмотря на это, на хлопоты ушёл остаток 1946 года и до августа год 1947.

Только 17 августа 1947 года мы с мамой двинули в направлении Коми АССР, «преступных краёв», как позже, уже в зрелом возрасте я любил выражаться.

До Москвы нас провожал дедушка Иван Петрович. А там за ней, за столицей, как в поэме А.Т. Твардовского, нас ждала «иная даль». Да и описывать её следует по-иному.